

АНДРЕЙ СТЕПАНОВ
МЕЖДУ
МИРАМИ
ДОСТАТОЧНО ЛЖИ

Андрей Степанов

**Между Мирами-10:
Достаточно лжи**

«Автор»

2026

Степанов А. В.

Между Мирами-10: Достаточно лжи / А. В. Степанов — «Автор»,
2026

Штеттин оказался не тем местом, где можно провернуть императорские планы, убивая двух зайцев одним выстрелом. Приграничный городок сам грозит уничтожить приезжих. Лишенный поддержки и средств, Максим вынужден выживать в Штеттине, надеясь лишь на собственную изворотливость и помощь редких союзников.

© Степанов А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горячий прием	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Андрей Степанов

Между Мирами-10: Достаточно лжи

Глава 1. Горячий прием

- И вот так каждый раз, - сказал я, разглядывая свои руки. - Каждый раз, Белосельский, когда мне кажется, что хуже уже некуда, жизнь с удовольствием доказывает обратное.

Князь Белосельский, восседавший на козлах рядом с возницей, обернулся. Лицо у него было красное, только причиной тому была злость, а не внезапный весенний морозец.

- Барон, я вас очень уважаю, но если вы еще раз скажете что-то в духе «я же говорил», я вас с этих козел спихну.

- А я ничего и не говорил. Я молчал.

- Вот именно! - рявкнул он. - Вы молчали, когда Арапов сказал, что золото в броневагоне. Вы молчали, когда этот чертов майор кивал. Вы молчали, когда ящик открывали. А надо было орать! Орать на всю ивановскую!

Я промолчал и на этот раз. Было обидно, но не смертельно. А вот то, что мы обнаружили в броневагоне вместо золота три железные болванки, заботливо уложенные в солому, вот это было и смертельно. Потому что означало лишь новую порцию предателей.

Местный возница-поляк, нанятый в депо за рубль в день, покосился на нас и заставил лошадь прибавить шаг. Массивная животиная недовольно фыркнула, но послушалась. Телега подпрыгнула на выбоине. Булыжная мостовая в районе депо была выщерблена так, будто по ней стреляли из пушек. Может, и стреляли, конечно. Штеттин – это, все-таки, город с историей.

Ларин сидел рядом со мной в кузове на мешке с овсом. Он молча теребил пуговицу на пальто так, будто собирался ее оторвать и проглотить вместо таблетки для давления. Вероятно, это и было причиной его невероятной бледности.

Впрочем, я его понимал. Секретариат дворца не готовит к тому, что вместо золота императора тебе подсунут железяки, а каждый второй встречный будет стрелять. Сам недавно был не лучше, но жизнь меняет людей, особенно такая, что устроилась у меня в этом мире.

- Евгений, - позвал я, заставив самого себя отвлечься от нехороших мыслей.

- Да? - он вздрогнул, как будто я его разбудил.

- Пистолет при тебе?

- Да, - Ларин похлопал по карману. - Вы полагаете...

- Я ничего не полагаю. Я констатирую: у нас нет золота, нет нормальной связи со столицей, Арапов ходит с таким лицом, будто это мы виноваты, а до нашего дома осталось «всего лишь» три квартала через склады и производства. И уже темно.

Ларин сглотнул. Белосельский, услышав, обернулся снова.

- Это место само по себе весело, - сообщил он. – Фигурально, разумеется. Там в прошлом месяце двух таможенников зарезали. При свете дня, прямо промеж мебельного и продуктового склада.

- Откуда знаете? – спросил я.

- Народ говорит.

- Спасибо, князь. Очень ободряюще.

- Всегда пожалуйста, барон. Если еще хотите узнать что-нибудь успокоительное - днем раньше в порту двоих утопили. Предварительно связав по рукам и ногам.

Я посмотрел на небо. Серое, низкое, типично мартовское - ни звезд, ни луны. Фонари на улицах горели через один, а между депо и жилым кварталом их не было вовсе. Только редкие окна складов - тусклые, желтые, как больные зубы.

Телега свернула на улицу, которую на местный манер называли Широкой, хотя шириной она уступала некоторым переулкам Владимира. Слева подпирала глухая стена угольного склада. Справа улицу обрезала железнодорожная насыпь, поросшая сухой травой. За насыпью виднелись крыши пакгаузов, трубы, краны.

- Стоп, - сказал я вознице, для пушей уверенности хлопнув того по плечу. - Объезжай через центр.

- Это лишний час, пан, - возница обернулся. Я разглядел в его глазах не тревогу, а раздражение. - Лошадь устала.

- Лошадь устала, а я нет. Объезжай.

Возница пожал плечами и потянул повод. Телега заскрипела, разворачиваясь.

Не успели мы проехать и пятидесяти метров, как из-за угла ближайшего по левую руку склада выскочили трое. Они сделали это быстро, синхронно, как по команде.

Все трои носили темные плащи и, хотя ни на одном не было шляпы, ночью, в проезде без фонарей, лиц не было видно. Только силуэты. Один - крупный, с чем-то в руке. Второй - пониже, сбоку. Третий встал за спинами первых.

- Тревога! - крикнул Белосельский, и я даже не успел сказать ему, что слово «тревога» в данной ситуации звучит нелепо, потому что крупный уже поднял руку, и блеснул металл.

Я рванул из-за пояса «патрию». Ларин вскинулся рядом «туляком», и я успел подумать: «Сейчас уронит, сейчас замрет», - а он умудрился при всей неловкости очень даже быстро спустить курок.

Оглушительный грохот отразился от стен складов. Первый выстрел Ларина в жизни. Мимо, в стену склада, высек искры из кирпича. Но эффект был неожиданный: крупный отпрянул.

- Куда! - крикнул я, но не Ларину, а Белосельскому, который уже спрыгивал с козел. Возница заорал, лошадь рванула, телега накренилась, и я полетел на спину, больно приложившись затылком о борт, не успев сделать ни единого выстрела.

Секунда. Две. Мир перекувырнулся дважды. Сверху вновь оказалось ночное небо, снизу уперлись доски телеги. Со всех сторон доносились звуки: грохот, крики, ржание. Я перекатился, уперся коленом в днище, вскинул «патрию».

Троица пришла в себя и рассредоточилась. Крупный спрятался за телегу, что стояла возле складских ворот. Второй бросился на насыпь. Третий попросту исчез.

- Барон! - заорал Белосельский из-под нашей телеги. - Один на насыпи!

Заметить в темноте было непросто, но противник пошевелился, а потом и вовсе начал карабкаться по железнодорожной насыпи, цепляясь за сухую траву. Может, за помощью? Тогда где третий?

Оборвав раздумья, я выстрелил и не попал. «Патрия» в моей дрожащей руке прозвучала обиженно, будто упрекая: «Ты что же творишь?» Пуля ударила в щебень насыпи, подняв фонтанчик пыли. Второй пригнулся, но не остановился.

- Ларин! Насыпь! - скомандовал я.

И Ларин рванул. С телеги вскочил на ноги, махнул через борт, через канаву и устремился на насыпь. Я видел, как он цеплялся за шпалы, как пальто мешало ему, как он спотыкался и поднимался. И не останавливался.

Я выстрелил еще раз, на этот раз по крупному, который высунулся из-за телеги. Он тут же убрался. Белосельский тоже пальнул, и звук был другой, лающий. Револьвер в таких стычках мог оказаться плохим помощником.

- Давай за ним! - крикнул я, хотя Ларин уже был на гребне насыпи, а комплекция Белосельского и вовсе не располагала к бегу.

Крупный, услышав мою команду, вдруг бросился в другую сторону, в переулок. Я успел заметить, что он начал хромать, подволакивая ногу. Тут я впервые понял, что не вижу и не слышу возницу. Предатель завез нас в ловушку и смылся! Надо было рассредоточиться.

- Белосельский, за крупным, живет!

Уж такого он не упустит, наверно. Князь неуклюже, но решительно бросился в переулок. Я же поспешил за Лариным, на насыпь. Камни сыпались под ногами, царапали ладони, мешали взбираться.

В темноте возле рельсов я замер. Где-то впереди слышался топот. Ларин, судя по гулким ударам каблучков, бежал по крыше пакгауза метрах в семидесяти впереди.

Я перевалил через гребень. За насыпью открылся узкий проход между складами, заваленный ящиками. Такой же темный, как и все место, в которое нас завез возница. А теперь еще и топот. стих.

- Ларин! - позвал я шепотом. - Евгений!

Тишина давила слишком долго. Потом надо мной раздался шорох:

- Барон, - услышал я голос Ларина. - Он ушел. Спрыгнул на ту сторону.

- А ты?

- А я, - пауза, - не могу слезть. Крыша гнилая. Боюсь пошевелиться даже.

Я закрыл глаза, сосчитал до трех, открыл снова.

- Ладно. Жди тут. Я вернусь с лестницей сразу, как найду князя.

Белосельский нашелся сам, но через десять минут. С пустыми руками, чем ничуть не удивил, но с новостями. По его словам, хромой свернул в тупик и исчез за калиткой, которую Белосельский не успел даже открыть. Дальше был двор, за двором тянулась улица, за улицей распластался лабиринт польского квартала.

- Ушел, - констатировал Белосельский, запыхавшись. - Но кое-что обронил, поганец.

Он протянул руку. На раскрытой ладони лежал клочок бумаги. Маленький, мятый, похожий на обрывок письма.

- Уронил, пока бежал. Сперва думал, что мне показалось, а как вернулся – нашел, - он все еще тяжело дышал.

Я взял клочок двумя пальцами и осторожно развернул. При свете спички, которой Белосельский чиркнул, не спрашивая, я разглядел герб. Маленький, грубо отпечатанный черными линиями на серой бумаге. Щит, разделенный надвое. В верхней части что-то похожее на башню. В нижней - звезда. Или роза. Или... Нет, не разберешь.

- Не имперский, - сказал Белосельский. - Двуглавого орла нет.

- И не немецкий, - добавил я. - Их орла тоже нет.

- М-да, орлов тут явно не любят, - заметил князь без обычной в последнее время язвительности. - Это местное. Штеттинское.

- Откуда знаешь?

- Потому что давеча я проиграл три тысячи одному штеттинскому дворянину, и у него на перстне был точно такой же герб. Только золотой.

Я смотрел на бумажку, соединяя символы. Башня. Звезда. Или роза. Штеттинский герб.

- Князь, - спросил я, - а тот дворянин, которому ты проиграл, он за кем? За Штефаном, немцами или патриотами?

Белосельский помолчал, выразительно пожевал губу.

- Спросил я его, но ответ мне не понравился. И вам не понравится. Ни за кем. Вот в чем проблема, барон. Он был сам по себе.

Спичка обожгла князю пальцы, и он, чертыхнувшись, выронил ее. Темнота сомкнулась над нами.

- Идем, - сказал я. - Ларина надо снимать с крыши.

Мы шли обратно к телеге. Возница, которого я не заметил в пылу перестрелки, сидел на козлах бледный, но живой и невредимый. Лошадь нервно переступала копытами, тоже явно привыкшая к постоянной пальбе.

Я сел в кузов, положил «патрию» на колени, а клочок бумаги с гербом убрал во внутренний карман. Руки дрожали от чистой концентрированной злости, какой не было со времен Вельска.

Ларина мы сняли с помощью пожарной лестницы, которую Белосельский нашел в трехстах шагах, у складского навеса. Евгений спускался по ней осторожно, держась за перекладины с таким видом, будто каждая из них могла разломиться. Но на землю прыгнул ровно и уверенно.

- Евгений, - сказал я, когда он уселся в телегу. - Ты стрелял.

- Да, - он не смотрел на меня.

- И бежал по крыше.

- Да.

- В секретариате этому учат?

- Нет, - он наконец поднял глаза. - В секретариате учат писать отчеты. Но когда в тебя стреляют, как-то само выходит.

Я осторожно хлопнул его по плечу. Он не улыбнулся, но напряжение в лице чуть отступило. Мне ли не знать, каково это.

- Поехали, - сказал я вознице. - И побыстрее.

Телега закрипела. Колеса застучали по булыжнику. За спиной - темные склады, насыпь, переулочек, в котором кто-то уронил герб, которого не должно быть.

Я думал. Сил в городе предполагалось слишком много. Я ехал сюда заняться строительством завода, усилить империю, протянуть ветку скоростной дороги.

За время моего пребывания здесь успели свистнуть имперское золото, а меня самого уже несколько раз попытались убить.

Император назначил меня своими глазами и ушами в Штеттине. Что ж, отлично. Глаза видели выстрелы. Уши слышали свист пуль. А понимания происходящего был ноль.

- Белосельский, - позвал я.

- Да?

- Почему ты не сказал, как звали того дворянина. С перстнем. Или ты проиграл три тысячи и даже имени не спросил?

Князь задумался. Лошадь фыркнула. Колесо звякнуло о камень. В этом районе явно было бы сложно передвигаться на автомобиле.

- Огинский, - сказал Белосельский наконец. - Станислав Казимирович. Глава города.

Я медленно повернулся к нему. Белосельский смотрел на меня с таким выражением, будто сам был неприятно удивлен тем, что вспомнил это имя.

- Глава города, - задумчиво повторил я.

Телега катилась по темной улице. Где-то впереди показался свет фонаря. В его свете и свете ему аналогичных стояли наш квартал, наш дом, наша временная крепость. Позади, во тьме, остались чужие склады, насыпь, отдавшие мне клочок бумаги, что лежал в моем кармане с гербом человека.

Обычно глава города принимает гостей. А тут получилось, что меня уже приняли его люди. Гостеприимно, свинцом и огнем. Горячий прием, ничего не скажешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.